

УДК 811.161.1:[81'271.2+81'271.16]

DOI: 10.37482/2687-1505-V074

МАРЬЯНЧИК *Виктория Анатольевна*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск). Автор более 80 научных публикаций*

ОНЕГИНА *Анастасия Сергеевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск). Автор 20 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8737-6726>

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1859-3767>

НОСИТЕЛЬ ЯЗЫКА VS НОСИТЕЛЬ ПРОСТОРЕЧИЯ: ОЦЕНКА ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАНЦЕВ

Статья посвящена актуальной проблеме в сфере языковой политики – определению статуса «необразцового» пользователя как носителя языка. Материал исследования: записи устной речи граждан, участвующих в официальном собеседовании для подтверждения статуса «носитель языка»; нормативная база, определяющая объем понятия «носитель языка». Авторы сосредоточивают внимание на носителе просторечия и/или диалекта, для которого русский язык является единственной или основной системой вербальной коммуникации. В статье доказана невалидность лингводидактических критериев, зафиксированных в нормативных документах. Выделены речевые факты, формально выходящие за границы официальных требований, предъявляемых к носителю, но не противоречащие включению говорящего как языковой личности в круг носителей русского языка в рамках социолингвистического подхода. Смоделирован методически-нормативный прототип речевой личности «носитель языка», релевантный задачам лингводидактического тестирования. Описан опыт оценивания языковой (речевой) компетенции по критериальным шкалам в рамках уровневого подхода. На материале одного скрипта выделены черты речи «необразцового» пользователя языка, дан образец оценивания компетенции по технологии соотнесения с прототипом «носитель языка». Технология включает два этапа: 1) идентификация речевых фактов, находящихся за рамками литературной нормы; 2) выделение базовых признаков носителя в рамках социолингвистического и функционального подходов. К основным признакам носителя языка авторы относят знание прецедентных текстов (социумно-прецедентный и национально-прецедентный уровни прецедентности), владение языковой системой, в т. ч. в ее субстандартных формах (просторечие и диалект), знание узуса. Перечислены акцентирующие дискурсивные средства, характерные для речи носителя языка: риторические вопросы, метатекстовые вопросы-рефлексивы, синонимическая корректировка номинаций, этикетная корректиров-

*Адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: v.marjyanchik@narfu.ru

**Адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: a.utkina@narfu.ru

Для цитирования: Марьянчик В.А., Онегина А.С. Носитель языка vs носитель просторечия: оценка языковой компетенции иностранцев // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. № 1. С. 50–60. DOI: 10.37482/2687-1505-V074

ка апеллятивов, языковая игра и др. Результаты исследования могут быть использованы при разработке единых критериев оценивания языковых (речевых) компетенций иностранных граждан и лиц без гражданства в рамках собеседования.

Ключевые слова: носитель языка, языковое сознание, диалектная языковая личность, просторечная языковая личность, антропотекст, лингводидактические критерии.

Введение. Языковая политика РФ определяет нормы использования государственного языка и регламентирует функционирование системы тестирования иностранных граждан и лиц без гражданства по русскому языку как иностранному (РКИ). В настоящее время выделяется два направления российской государственной системы тестирования по РКИ (ТРКИ): определение уровня РКИ в сфере образования, определение уровня РКИ в сфере правового регулирования пребывания (проживания) и осуществления трудовой деятельности на территории России. В рамках второго направления выделяются несколько уровней (зон), соответствующих социальному заказу и выполняющих социальные функции: трудовые мигранты, разрешение на временное проживание, вид на жительство, российское гражданство.

К настоящему времени сложилась система контроля знаний РКИ в форме тестирования. Также законодательство РФ предполагает возможность собеседования с целью признания иностранных граждан или лиц без гражданства носителями русского языка (приказ ФМС от 26.05.2014 № 379¹). Положительный результат собеседования (решение комиссии) позволяет подать заявление на получение гражданства РФ в упрощенном порядке. Актуальность настоящего исследования определяется отсутствием в течение длительного периода единых рекомендаций по проведению такого собеседования,

имеющих научное обоснование с позиций теории языковой личности, социолингвистики и других областей лингвистической науки. На актуальность этой проблемы указывалось в научно-методических публикациях [1, 2] и нормативных актах (см. обсуждение внесения изменений в ст. 33.1 федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»).

Система лингводидактического тестирования стала объектом многоаспектного анализа в научно-методическом дискурсе. Выделим основные направления: описание предпосылок, факторов, механизмов, целей и задач системы [3], сопоставление национальных систем лингводидактического тестирования [4], репрезентация опыта отдельных организаций [5], продвижение методических материалов для лингводидактического тестирования и/или подготовки к нему [6], рекомендации по совершенствованию системы лингводидактического тестирования с учетом существующих лакун и несоответствий в стандартах и типовых тестах по РКИ [7].

В качестве открытого вопроса предлагаем рассмотреть лингводидактическое содержание процедуры собеседования с целью признания лица носителем русского языка. Согласно приказу ФМС № 379, участник собеседования должен подтвердить «соответствующий уровень владения русским языком», при этом конкретный уровень не называется. Определим его, сопоставив приложение № 2 к приказу ФМС

¹Об утверждении Требований к специалистам, входящим в состав комиссии по признанию иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка, Правил проведения собеседования комиссией по признанию иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка с иностранным гражданином или лицом без гражданства, Требований к форме заявления о признании иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка и Требований к форме решения комиссии о признании иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка: приказ Федер. миграц. службы России от 26 мая 2014 г. № 379 (зарегистрирован в Минюсте России 11 июня 2014 г. № 32682) // Рос. газ. 2014. 20 июня (федер. вып. № 6408).

№ 379 (Правила проведения собеседования, п. 11) и приложение к приказу Министерства образования и науки № 255 «Об утверждении уровней владения русским языком как иностранным языком и требований к ним»². Российская государственная система сертификационных уровней общего владения русским языком как иностранным (ТРКИ) включает 6 уровней, в т. ч. ТБУ (базовый) и ТРКИ-IV. Описание уровня ТРКИ-IV почти полностью (за исключением навыков письменной речи) соответствует требованиям к носителю русского языка. Обратим внимание на неравноценность содержания ТБУ (тестирование на гражданство) и ТРКИ-IV (собеседование на носителя). Дискурс, контент и технологию собеседования, проводимого с целью признания лица носителем русского языка, необходимо было конструировать членам языковой комиссии, поскольку подходы к процедуре собеседования и содержанию были произвольны³.

Основной теоретической проблемой становится определение содержания термина «носитель языка» как единицы лингводидактического метаязыка. Ученые указывают на несоответствия терминов «native speaker» и «носитель языка» в различных научных дискурсах: «В русскоязычном лингводидактическом дискурсе... высшей целью в овладении языком считается уровень эффективного функционирования (C1–C2), который приравнивается к уровню образованного носителя языка», в то же время «в социолингвистике встает вопрос о пересмотре данного понятия», в англоязычном лингводидактическом дискурсе обсуждается необходимость замены термина «native speaker» на «expert user» [8, с. 437].

В лингводидактике зафиксирована базовая дефиниция: «Представитель какой-л. социо-

культурной и языковой общности, владеющий нормами языка, активно использующий данный язык (обычно являющийся для него родным) в различных бытовых, социокультурных, профессиональных и др. сферах общения» [9, с. 163]. Но ученые ставят вопрос об объективности/субъективности критериев. Так, А.В. Кравченко называет 4 основные характеристики носителей: «это их родной язык (язык матери)», «они являются искусными пользователями, т. е. экспертами», «образуют общество моноглотов», «их культурное самосознание не может быть отделено от их схожих языковых самосознаний, которые вместе делают их столь отличными от не-носителей языка, принадлежащих к другой культуре». Но ни один из перечисленных критериев ученый не признает объективным [10, с. 33].

Таким образом, в зарубежной и отечественной лингводидактике обозначены одинаковые «зоны терминологического конфликта», обусловленные корреляцией терминов *инофон – носитель языка*. Значительная доля участников лингводидактического собеседования относится к группе инофонов – вторичных языковых личностей, осваивающих русский язык как иностранный или как неродной. Для данной группы статус «носитель языка» соотносится с понятиями «образцовый пользователь», «уровень эффективного функционирования».

В рамках нашего исследования мы остановимся на вопросе определения статуса «необразцового», «неискусного», «неопытного» пользователя, речь которого становится объектом лингводидактической оценки. Основная цель исследования заключается в том, чтобы на аутентичном материале официальных собеседований с иностранными гражданами выделить речевые факты, формально выходящие

²Об утверждении уровней владения русским языком как иностранным языком и требований к ним: приказ Мин-ва образования и науки от 1 апреля 2014 г. № 255 (зарегистрирован в Минюсте России 17 июня 2014 г. № 32701) // Рос. газ. 2014. 20 июня (федер. вып. № 6408).

³См.: Носитель русского языка: Гладко было на бумаге, да забыли про овраги // Вестн. мигранта. URL: https://migrant.lameroid.ru/2017/02/blog-post_11.html; НРЯ – носитель русского языка: порядок получения статуса и список документов в 2020 году // Мигрант.Reg.Ru. URL: <http://migrant-reg.ru/nrya-nositel-russkogo-yazyka-poluchenie.html>; и др.

за границы лингводидактических требований, предъявляемых к носителю, но не противоречащие включению говорящего как языковой личности в круг носителей русского языка.

Методология исследования. Теоретическую основу исследования составили труды, посвященные анализу речевой личности, где основное внимание фокусируется на носителе просторечия: классические труды о языковой личности В.В. Виноградова, Ю.Н. Караулова, Г.И. Богина, К.Ф. Седова, В.И. Карасика, определивших методологическую базу для изучения языковой личности; работы Л.К. Граудиной, В.Е. Гольдина, В.Д. Девкина, Т.А. Демешкиной, В.И. Жельвиса, Е.А. Земской, М.В. Китайгородской, Н.А. Купиной, О.Б. Сиротининой, Д.Н. Шмелева и других ученых, сформировавших теоретические основы для анализа просторечия и диалекта как языкового и дискурсивного явления; диссертационные исследования последнего десятилетия Л.А. Ивановой (2012), Е.В. Соломиной (2016), Е.А. Астафьевой (2017) и т. д., объектом описания в которых стали диалектные и просторечные языковые личности. Исследование базируется на лингвориторическом, функциональном и социолингвистическом подходах, интеграция которых позволяет рассмотреть речевые продукты и риторические механизмы с учетом их социального маркирования и стилистической окраски. Ядро терминологического аппарата исследования составляют понятия «языковая (речевая) личность», «диалектная языковая личность», «просторечная языковая личность», «просторечие», «языковое сознание», «носитель языка», «носитель лингвокультуры», «антропотекст». Термины «языковая личность» и «речевая личность» не разграничиваются в рамках статьи, что не противоречит современным подходам (аналогичное толкование см., например, в [11, с. 456]).

Термин «носитель языка», согласно традициям отечественной лингводидактики, понимается нами в двух значениях: 1) инофон – вторичная языковая личность; экспертный пользователь языка, владеющий языком на уровне эффективного функционирования

C1–C2; 2) первичная языковая личность, для которой язык является родным, в ряде случаев – моноглот. При втором понимании выделяются следующие подгруппы: «образцовый носитель» (использует литературный нормированный язык как основную систему речевой коммуникации), «диалектный носитель» и «просторечный носитель» (используют как основную систему нелитературный вариант языка).

Основной метод сбора материала состоял в следующем: в течение 2014–2019 годов путем интервьюирования и наблюдения за речевой деятельностью производились аудиозаписи речи участников собеседования по признанию иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка (более 80 участников). В случае фиксации речевых монологических или диалогических высказываний, вызывающих сложности идентификации языковых фактов, фрагменты расшифровывались. Комплексно использовались приемы функционально-стилистического, лингвориторического и социолингвистического анализа.

Результаты исследования. Исследование проводилось в следующей логике: определение рамок содержания термина «носитель языка» в нормативно-методических целях, моделирование прототипа «носитель языка», разработка формата оценивания языковой/речевой компетенции потенциального носителя языка, формирование критериев оценки языковой/речевой компетенции потенциального носителя языка, анализ дискурсивных продуктов. Решая первую задачу, необходимо опираться на распорядительные документы:

«В ходе собеседования определяется способность иностранного гражданина:

11.1. Понимать и уметь интерпретировать неадаптированные тексты на любую тематику, включая абстрактно-философские, профессиональной ориентации, публицистические и художественные, а также тексты, обладающие подтекстовыми и концептуальными смыслами.

11.2. Максимально полно понимать содержание, в частности, радио- и телепередач,

кинофильмов, телеспектаклей, пьес, записей публичных выступлений, свободно воспринимаемая социально-культурные и эмоциональные особенности речи говорящих, интерпретируя фразеологизмы, известные высказывания и скрытые смыслы.

11.3. Уметь достигать поставленных целей коммуникации в ситуациях подготовленного и неподготовленного монологического и диалогического общения, в том числе публичного, демонстрируя различные тактики речевого поведения.

11.4. Уметь продемонстрировать полное знание языковой системы и свободное владение средствами выразительности языка во всем многообразии лексико-грамматических, стилистических, синонимических и структурных отношений» (из приказа ФМС № 379).

Очевидно, что в документе описана идеальная модель образцового носителя русского языка. Перечисленные требования соответствуют четвертому сертификационному уровню, который необходим в образовательном пространстве для получения диплома магистра-филолога, кандидата филологических наук или кандидата педагогических наук по специальности «Методика преподавания русского языка как иностранного». Нами было сформулировано рабочее описание – методически-нормативный прототип: носитель языка понимает и без искажений передает содержание неадаптированных текстов, типичных для массовой коммуникации (в т. ч. телепередачи, публичные выступления); знает и интерпретирует прецедентные тексты – известные фразеологизмы, пословицы, поговорки, крылатые выражения (социумно-прецедентный и национально-прецедентный уровни); решает основные коммуникативные задачи в ситуациях неподготовленного монологического и диалогического общения (в т. ч. понимает вопросы, отвечает на вопросы); владеет языковой системой, демонстрирует знание языковой нормы и узуса русской речи, при построении устного высказывания свободно оперирует лексико-грамматическими отношениями, не нарушая

грамматических и стилистических норм разговорной речи. Уточним, что, согласно лингвокогнитивной метаязыковой традиции, под прототипом мы понимаем абстрактного образцового представителя группы, который используется для идентификации конкретных членов данной группы – носителей языка, образцовых пользователей, неопытных пользователей и др.

Формат «собеседование» определяет устную форму коммуникации (до 30 минут). Участие в комиссиях представителей образовательных организаций из числа профессорско-преподавательского состава, имеющих опыт по проведению собеседований и тестирования, в какой-то мере гарантирует объективность результатов собеседования. Но для усиления объективности при разработке критериев оценки языковой компетенции было принято решение остаться в рамках уровневого подхода: фонетика (фокус – ударение, синтагматическое членение, интонационные конструкции), лексика (фокус – лексический запас, лексическая семантика), грамматика (фокус – словоформа, синтагматика), дискурс (фокус – диалогическое единство, нарративная структура, связность).

Анализ дискурсивных продуктов выявил проблему, обозначенную нами во введении: «необразцовый», «неискусный», «неопытный» пользователь выходит за границы формальных требований, предъявляемых к носителю. При этом речевое поведение, антропотексты как продукты дискурсивной практики говорящего не противоречат узусу русской лингвокультуры. Подчеркнем, что для некоторых участников собеседования русский язык является единственным или доминирующим в коммуникативной системе. К этой группе относятся носители просторечия и диалектов.

Обратимся к примеру. Для анализа возьмем фрагмент скрипта, записанного в ходе интервьюирования представителя женского пола 89 лет: *Где училась? // ну как вам сказать? // все подряд говорить? // ў Курской области / Борборовского района // Билуород // вот я там родилась / в Билуороде // вот / вот / там выросла // училась там ў Белуороди // четыре / ну военных*

четыре класса кончила / во время войны // тут
голодоўка // ищи я ну / в сорок третьем году
/ у этих / в Красной Армии помоуала / делали
/ летнее время вот сейчас? // май / это май
ище сийчас? / или май кончилси? // май июнь
// я носила / я / одиннадцать жєницин / копали
окопы / и траншею / не не траншею / ну / вот
/ для водопровода вот / траншею // я носила
воду // ище им спивала / танцевала / их веселила
/ шоб они не плакали // после голодоўки значить
/ я дома / в школу не пошла / сказали так // ты
читать умеешь / писать умеешь / и все / боль-
ше ничего не надо / и все / больше не надо // и
я не пошла // до сорок девятого года // в сорок
восьмом / тут голодоўка / ў сорок васьмом году
была мода такая шо / молодежь надо подни-
мать и / как вам сказать / на подъем города / и
/ ой не скажу // мальчиков / значить / брать на
повышение / токарей / слесарей / рабочих вот
этот / ну / рабочих // слесаря / токаря // мон-
тажники // девчата нужны / значить / маляра-
[иш]екатуры // девчат брать молодых / и не-
которые шоб работали // смотря по возрасту
и всё // и вот мы работали // в сорок девятом
гуду была / как тебе вам сказать // вербоўка //
набирали / вербовали // на разные подъемные
место // кажу / я пойду // я / значить / не завер-
бовалася / а пошла / записалася там / ну / как
говорят язык до Киева доведет' / так я казала
/ где тут шо набирают тут на подъем города
// после войны // а мы / говорю / войну вот уже
прожили / и голодоўку прожили // теперь надо
голодоўку отнять / а себе приподнять // ну та-
кое я посустроилася / у этому / у Белгороди // вы
знаете / как (неразборчиво) // Старый Оскол /
Белгород // забыла (неразборчиво) // я значить /
туды пошла / записалася // все / мене взяли // и я
работала // с Белгорода / значить / у Харьков /
на подъем города // а какой подъем города? / как
я там пришла / посмотрела // ничего нету //
девчата тоже собрались там все / и Тульской /
и Смоленской / и Харьковской / и Брянской // ну /
Воронежской // и все этот / наш этот // собра-
лись у кучку / вот и все // я работала / потом

меня / значить / послали ў Харьков работать
// а ў Харьков куды ж работать? / на подъем
города // ну и какой подъем города / как мы ни-
чего не знаем? // значить / вон там сено / там
/ это / песок убрать // там сено сгресть надо
// там надо / значить / где асфальт класть /
там подмести / подюрнуть / бордюры там /
всякое // вот это делали // <...>⁴

Выделим черты речи «необразцового» поль-
зователя, зафиксированные в скрипте. Наиболее
очевидны в антропотексте следы диалектного
просторечия. В этом случае «просторечие пони-
мается как одна из форм национального языка,
существующая наряду с диалектной, жаргонной
речью и литературным языком, которая имеет
наддиалектный характер и, в отличие от говоров и
жаргонов, является общепонятной для носителей
национального языка» [12, с. 16], «под диалект-
ным просторечием следует понимать простореч-
ную субстандартную форму, в структуре которой
наиболее ярко выражены территориально огра-
ниченные языковые факты диалектной природы,
которые, являясь маркерами социальной ситуа-
ции, передаются носителями языка из поколения
в поколение» [13, с. 181].

1. Фонетические особенности устной речи
информанта:

– Иканье как неразличение <и> – <э> в
безударной позиции: *это май [u]щє с[u]йчєс;*
в Белгород[u]; [u]щє я ну, в сорок треть[u]м
гуду.

– Аканье как склонность к редукции гласного
в безударной позиции, характерная черта южного
наречия: *в[а]йны; в сор[а]к девят[а]м г[а]ду.*

– Реализация [и] на месте древнего «ять» (ѣ)
наряду с реализацией [э], в т. ч. в слове *сєно*
(сѣно): *Б[ѣ]лгород; ў Б[ѣ]лгаради; вон там*
с[ѣ]но; там с[ѣ]но сгрєсть надо.

– Звонкая фонема <в> перед согласными,
в большей степени перед заднеязычными, че-
редуется с <ў> (*голодо[ў]ка, [ў] кучку, [ў]*
Харьков): *с Белгорода, значит, [ў] Харьков;*
собрались [ў] кучку; послали [ў] Харьков ра-
ботать; тут голодо[ў]ка; [ў] Белгороде;

⁴Используется частичная транскрипция.

[j] *Тбилиси*. Русские диалекты имеют основные различия в произношении звуков на месте <в> в позиции перед согласными и на конце слова. Во многих юго-западных и северо-восточных говорах произносятся губно-губные звуки, образующиеся при сближении или неполном смыкании обеих губ: [улов], [лов]ля, [лов]ко, [трав], [трав]ка, [прав]да или [улоў], [лоў]ля, [лоў]ко, [траў], [траў]ка, [праў]да.

– Южный способ реализации этимологических аффрикат в говоре: *некоторы [ш]об работали; [ш]об они не плакали; мода такая [ш]о*.

– Звонкая заднеязычная фонема фрикативного образования <γ>, свойственная южнорусским говорам: *Бил[γ]ород; тут [γ]олодовка; [γ]вар'у*.

– Особенность позиционного поведения согласных в позиции конца слова, проявляющаяся в смягчении: *значи[т']*; *ту[т']*.

– Характерная для южнорусского наречия особенность 2-го предупредительного слога, проявляющаяся в сильной редукции гласного: *Я говорю – [J'a γвар'у]*.

2. Морфологические особенности устной речи информанта:

– Единичный случай стяжения гласных в результате утраты интервокального <j> в односложных окончаниях именительного падежа множественного числа (свойственно севернорусским и окающим среднерусским говорам): *Некоторы чтоб работали*.

– Явления, когда нередуцированный постфикс *-ся* в возвратных глаголах выступает в положении после гласного и когда мягкий согласный постфикса употребляется с гласным [и], характерные для южных говоров: *родилася; училася; завербовалася; записалася; собралися; или май кончилси*.

– Употребление в неопределенной форме глагола неслогообразующего суффикса *-ть* за счет слогаобразующего, характерное для западной и южной части территории русских говоров: *Там сено сгресть надо*.

– Личные глагольные формы с [т'] в окончании 3-го лица единственного числа: *язык до Киева доведеть; сын в Тбилиси живеть*.

– Безударное окончание глагольных форм 3-го лица множественного числа <-ут'>, характерное для южнорусского наречия: *Деньги плóтють*.

– Реализация наречия со значением «место» (*туда/куда/сюды/там* наряду с *сюда*): *туда пошла; куда ж работать, сюда; сюды; и вот туда сюды; как я там пришла, посмотрела*. О структурно-семантических особенностях наречий в народных говорах писали А.П. Шварц, В.П. Санжарова, И.А. Попов, Л.А. Савёлова, Е.В. Бочкарёва, Ю.Н. Драчёва, О.А. Глущенко.

3. Лексические особенности устной речи информанта:

– Включение в индивидуальный словарь лексики украинского языка, близкой по морфемному составу русским синонимам: *Так я казала; стивала, танцевала*.

– Искажение лексики иноязычного происхождения *асфальт* (греч.) и *штукатур* (англ.): *Где [ахсфал'т] класть; маляра-[шишекатуры]*. Заимствования в речи лиц старше 70 лет фонетически адаптируются в зависимости от восприятия носителем языка, который стремится к сохранению материнской основы речи, использует языковые средства, сформированные еще в раннем детстве (см. в работах Ф.Л. Скитовой, Т.Н. Плешковой). Искажения могут иметь различные формы, в т. ч. эпентезы, протезы, эпитезы и др.

– Лексема *хата* в значении «дом», включаемая в речь носителей южной группы говоров (см. в работах Т.И. Гавриловой, О.С. Куркиной): *Купила себе хату*.

– Диалектный характер глагольно-именной сочетаемости некоторой лексики: информант употребляет сочетание «отнять голодовку» в значении, близком к «отделять что-либо», «заставить уйти силой», «нарушить» [14, с. 247]: *Теперь надо голодовку отнять*.

4. Факты, свидетельствующие о бедности словаря и низком уровне риторических навыков: коммуникативно неоправданные повторы (*траншея, казать, больше не надо* и др.), семантически, дискурсивно и структурно незначимые частицы («паразиты» *ну, вот, значит*), нарушения связности, употребление слов

и сочетаний с разговорной/просторечной окрашенной и/или в разговорном значении (*посустроилась, девчата, мода, брать на повышение, собраться в кучку*), замена общелитературных нейтральных союзов разговорными/просторечными вариантами (*Ну и какой подъем города? Как мы ничего не знаем*), частотность неполных предложений и др.

Таким образом, этот пользователь формально не может быть признан носителем языка. В то же время других языков он не знает: для этого реципиента русский язык является единственной системой вербальной коммуникации. Отсутствие образования и социокультурный контекст обусловили формирование речевой личности, которая относится к диалектным и просторечным носителям языка. По скрипту и по видеозаписи можно сделать вывод о принадлежности информанта к носителям «первого» / «деревенского» просторечия, для которых характерны коллективное языковое сознание, позитивный настрой на собеседника. С нашей точки зрения, говорящий, не являясь «образцовой» языковой личностью, все же соотносится с прототипом носителя русского языка. Перечислим зафиксированные в скрипте речевые факты, подтверждающие корреляцию с прототипом:

– говорящий знает и использует прецедентные тексты (*язык до Киева доведет*);

– говорящий решает основные коммуникативные задачи в ситуации неподготовленного монологического общения: понимает задание «Расскажите о своей жизни»; создает монолог в жанре «воспоминание»; в процессе построения дискурса использует акцентирующие дискурсивные средства – уточняющие вопросы (*Где учились?*), риторические вопросы (*А в Харьков куды ж работать?*; *Ну и какой подъем города?*), метатекстовые вопросы-рефлексивы (*Ну как вам сказать? Всё подряд говорить?*), синонимическую корректировку номинаций (*окон – траншея*), этикетную корректировку апеллятивов (*Как тебе, вам сказать*), метавысказывания (*как сказать, как говорят*), интонационное выделение игровой рифмы (*Теперь надо голодовку отнять, а себе приподнять*);

– говорящий владеет языковой системой в ее субстандартных формах – просторечие и диалект, демонстрирует знание узуса (устойчивое метафорическое сочетание *подъем города*, мелиоративная номинация *девчата*), при построении устного высказывания свободно оперирует лексико-грамматическими отношениями, грамматические сочетания остаются в рамках разговорной нормы.

Для описанного типа языковой личности русский язык является не иностранным, а родным. Таким образом, социолингвистическая характеристика информанта как моноглота и анализ дискурсивной деятельности позволяют признать его носителем русского языка.

Заключение. Решение проблем в сфере лингводидактического тестирования в его разных формах находится в фокусе внимания филологов и педагогов, работающих в области РКИ. Для эффективного решения сложных вопросов, один из которых рассмотрен в рамках данной статьи, необходим открытый диалог поликультурного профессионального сообщества русистов, который позволит оптимизировать языковую политику и развитие лингводидактики.

В настоящее время процедура собеседования с целью признания иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка унифицируется в плане формы, содержания, критериев оценивания. Однако при диагностировании уровня языковой, речевой, дискурсивной, социокультурной компетенций в рамках собеседования необходимо учитывать, что такая форма оценивания применяется к разным пользователям, в т. ч. не имеющим достаточного уровня образования. Такие пользователи не всегда способны интерпретировать тексты абстрактно-философского содержания, обладающие подтекстовыми концептуальными смыслами, максимально понимать содержание телеспектаклей и т. д., они не обладают полным знанием языковой системы. Вопрос о границах их языковых и речевых навыков является дискуссионным и требует обсуждения.

Список литературы

1. Марьянчик В.А. К проблеме определения уровня владения русским языком как иностранным // Русский язык и культура в современном образовательном пространстве: тез. докл. V Междунар. науч.-практ. конф., Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филол. фак., Кафедра рус. яз. для иностр. учащихся естеств. фак. (Москва, 23–24 октября 2014 г.). М.: МАКС Пресс, 2014. С. 215–217.
2. Марьянчик В.А. Собеседование как форма определения уровня владения русским языком как иностранным // Трансфер знаний в науке, образовании и бизнесе: пути взаимодействия России и Германии: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Архангельск, 15–19 октября 2014 г.) / отв. ред.: Б. Линдер, А.М. Поликарпов, Л.Ю. Щипицина. Архангельск: Пресс-Принт, 2015. С. 145–149.
3. Сазонова А.В. Языковые системы тестирования в Европе и в России: причины создания, цели и задачи // Вестн. Самар. ун-та. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24, № 3. С. 127–134. DOI: [10.18287/2542-0445-2018-24-3-127-134](https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-127-134)
4. Воробьева Л.Б. Система государственного тестирования по национальному языку в России и Литве // Мир без границ: русский язык как иностранный в международном образовательном пространстве: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (13–14 декабря 2018 г.) / сост. Л.Б. Воробьева, Ю.Н. Грицкевич, С.В. Лукьянова, Л.М. Попкова. Псков. гос. ун-т, 2019. С. 127–135.
5. Антоныдина К.О. Тестирование иностранных граждан по русскому языку в Амурском государственном университете в 2016–2018 гг.: итоги и перспективы // Вестн. Амур. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2019. Вып. 84. С. 102–108.
6. Ласкарева Е.Р. Причастия и деепричастия: тестирование, второй сертификационный уровень // Новое и традиционное в практике обучения русскому языку как родному и иностранному в российских университетах нефилологического профиля: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (СПбГАСУ, 17–18 мая 2018 г.). СПб., 2018. С. 168–173.
7. Андрушина Н.П. Актуальные направления развития российской государственной системы тестирования по русскому языку как иностранному // Довузовский этап обучения в России и мире: язык, адаптация, социум, специальность: сб. ст. I Междунар. конгр. преподавателей и руководителей факультетов (Москва, РУДН, 19–21 октября 2017 г.): в 2 ч. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2017. Ч. 1. С. 20–24.
8. Ловцевич Г.Н., Гич О.Н. «Носитель языка» и «Native Speaker»: иллюзорное соответствие // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2018. Т. 22, № 2. С. 436–447. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nositel-yazyka-i-native-speaker-illyuzornoe-sootvetstvie> (дата обращения: 02.02.2020). DOI: [10.22363/2312-9182-2018-22-2-436-447](https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-2-436-447)
9. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во ИКАР, 2009. 448 с.
10. Кравченко А.В. Носители языка, родной язык и другие интересные вещи // Актуал. проблемы филологии и пед. лингвистики. 2009. № 11. С. 29–36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nositeli-yazyka-rodnoy-yazyk-i-drugie-interesnye-veschi> (дата обращения: 04.02.2020).
11. Синельникова Л.Н. О научной легитимности понятия «дискурсивная личность» // Уч. зап. Тавр. нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер.: Филология. Соц. коммуникации. 2011. Т. 24(63), № 2 (ч. 1). С. 454–463.
12. Соломина Е.В. Языковая личность носителя городского просторечия: дис. ... канд. филол. наук. Томск: Национ. исслед. Томск. гос. ун-т, 2016. 236 с.
13. Плешкова Т.Н. Особенности языковой ситуации Архангельского Севера и формирующие их факторы: моногр. Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2003. 223 с.
14. Словарь русских народных говоров / гл. ред.: Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Вып. 24. Осець – Отчураться. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. 368 с.

References

1. Mar'yanchik V.A. K probleme opredeleniya urovnya vladeniya russkim yazykom kak inostrannym [On the Problem of Determining the Level of Proficiency in Russian as a Foreign Language]. *Russkiy yazyk i kul'tura v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve* [Russian Language and Culture in Contemporary Educational Space]. Moscow, 2014, pp. 215–217.

2. Mar'yanchik V.A. Sobesedovanie kak forma opredeleniya urovnya vladeniya russkim yazykom kak inostrannym [Interview as a Form of Determining the Level of Proficiency in Russian as a Foreign Language]. Linder B., Polikarpov A.M., Shchipsina L.Yu. (eds.). *Transfer znaniy v nauke, obrazovanii i biznese: puti vzaimodeystviya Rossii i Germanii* [Knowledge Transfer in Science, Education and Business: Ways of Interaction Between Russia and Germany]. Arkhangelsk, 2015, pp. 145–149.

3. Sazonova A.V. Yazykovye sistemy testirovaniya v Evrope i v Rossii: prichiny sozdaniya, tseli i zadachi [Language Testing Systems in Europe and in Russia: Reasons for Creating, Purposes and Objectives]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*, 2018, vol. 24, no. 3, pp. 127–134. DOI: [10.18287/2542-0445-2018-24-3-127-134](https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-127-134)

4. Vorob'eva L.B. Sistema gosudarstvennogo testirovaniya po natsional'nomu yazyku v Rossii i Litve [The System of State Testing in the National Language in Russia and Lithuania]. Vorob'eva L.B., Gritskovich Yu.N., Luk'yanova S.V., Popkova L.M. (eds.). *Mir bez granits: russkiy yazyk kak inostrannyi v mezhdunarodnom obrazovatel'nom prostranstve* [World Without Borders: Russian as a Foreign Language in the Global Educational Space]. Pskov, 2019, pp. 127–135.

5. Antonidina K.O. Testirovanie inostrannykh grazhdan po russkomu yazyku v Amurskom gosudarstvennom universitete v 2016–2018 gg.: itogi i perspektivy [Testing Foreign Citizens in the Russian Language at Amur State University in 2016–2018. Results and Prospects]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*, 2019, no. 84, pp. 102–108.

6. Laskareva E.R. Prichastiya i deeprichastiya: testirovanie, vtoroy sertifikatsionnyy uroven' [Participles: Testing, Second Certification Level]. *Novoe i traditsionnoe v praktike obucheniya russkomu yazyku kak rodnomu i inostrannomu v rossiyskikh universitetakh nefilologicheskogo profilya* [The Novel and the Traditional in the Practice of Teaching Russian as a Native and Foreign Language at Non-Philological Russian Universities]. St. Petersburg, 2018, pp. 168–173.

7. Andryushina N.P. Aktual'nye napravleniya razvitiya rossiyskoy gosudarstvennoy sistemy testirovaniya po russkomu yazyku kak inostrannomu [Current Areas of Development of the Russian National Testing System in Russian as a Foreign Language]. *Dovuzovskiy etap obucheniya v Rossii i mire: yazyk, adaptatsiya, sotsium, spetsial'nost'* [Pre-University Stage of Education in Russia and the World: Language, Adaptation, Society, Specialty]. Moscow, 2017. Pt. 1, pp. 20–24.

8. Lovtsevich G.N., Gich O.N. “Nositel' yazyka” i “Native Speaker”: illyuzornoe sootvetstvie [English and Russian Terms “Native Speaker”: Illusory Equivalents]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika*, 2018, vol. 22, no. 2, pp. 436–447. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nositel-yazyka-i-native-speaker-illyuzornoe-sootvetstvie> (accessed: 2 February 2020). DOI: [10.22363/2312-9182-2018-22-2-436-447](https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-2-436-447)

9. Azimov E.G., Shchukin A.N. *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [New Dictionary of Teaching Terms and Concepts (Theory and Practice of Language Teaching)]. Moscow, 2009. 448 p.

10. Kravchenko A.V. Nositeli yazyka, rodnoy yazyk i drugie interesnye veshchi [Native Speakers, Mother Tongue and Other Interesting Things]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 2009, no. 11, pp. 29–36. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nositeli-yazyka-rodnoy-yazyk-i-drugie-interesnye-veschi> (accessed: 4 February 2020).

11. Sinel'nikova L.N. O nauchnoy legitimnosti ponyatiya “diskursivnaya lichnost'” [Scientific Legitimacy of the Notion “Discursive Personality”]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser.: Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii*, 2011, vol. 24, no. 2 (pt. 1), pp. 454–463.

12. Solomina E.V. *Yazykovaya lichnost' nositelya gorodskogo prostorechiya* [Linguistic Personality of the Speaker of Urban Vernacular: Diss.]. Tomsk, 2016. 236 p.

13. Pleshkova T.N. *Osobennosti yazykovoy situatsii Arkhangel'skogo Severa i formiruyushchie ikh faktory* [Peculiarities of the Linguistic Situation in the Arkhangelsk North and Their Forming Factors]. Arkhangelsk, 2003. 223 p.

14. Filin F.P., Sorokoletov F.P. (eds.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Dialects]. Iss. 24. Leningrad, 1989. 368 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V074

Viktoryia A. Mar'yanchik

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1859-3767> e-mail: v.marjyanchik@narfu.ru

Anastasiya S. Onegina

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8737-6726> e-mail: a.utkina@narfu.ru

NATIVE SPEAKER VS VERNACULAR SPEAKER: ASSESSING FOREIGNERS' LANGUAGE COMPETENCE

This article deals with an important issue in the field of language policy, i.e. determining the status of a “non-ideal” language user as a native speaker. The material includes: a) records of the speech of people participating in an official interview to confirm their status as a native speaker; b) regulatory framework that defines the content of the “native speaker” term. The authors focus on vernacular and dialect speakers for whom Russian is the only or main system of verbal communication. The article proves the linguodidactic criteria listed in the normative documents to be invalid. The authors identify speech facts that formally prevent a person from qualifying as a native speaker but, within the sociolinguistic approach, do not exclude him/her as a linguistic personality from the circle of Russian native speakers. Further, a standard methodological prototype of speech personality “native speaker” appropriate for linguodidactic testing is modelled. The authors describe the experience of evaluating language (speech) competence using criteria scales within the framework of the level approach. Based on the material of one script, features of the speech of the “non-ideal” language user are singled out and a model of competence assessment by correlation with the “native speaker” prototype is presented. This technology includes two stages: 1) identification of speech facts that lie outside the scope of the literary norm; 2) identification of the basic characteristics of a native speaker within the framework of the sociolinguistic and functional approaches. The authors consider knowledge of precedent texts (on the social and national levels), proficiency in the language system, including its sub-standard forms (vernacular and dialect) and knowledge of the usage to be the main characteristics of a native speaker. In addition, the authors list accentuating discursive means that are typical of the speech of native speakers: rhetorical questions, metatextual reflexive questions, synonymic correction of naming units, etiquette correction of appellatives, language-game, etc. The results can be used to develop uniform criteria for evaluating language (speech) competencies during interviews with foreign citizens and stateless persons.

Keywords: *native speaker, linguistic consciousness, dialect linguistic personality, vernacular linguistic personality, anthropotext, linguodidactic criteria.*

Поступила: 11.09.2020

Принята: 15.01.2021

Received: 11 September 2020

Accepted: 15 January 2021

For citation: Mar'yanchik V.A., Onegina A.S. Native Speaker vs Vernacular Speaker: Assessing Foreigners' Language Competence. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2021, no. 1, pp. 50–60. DOI: 10.37482/2687-1505-V074